

ЭПШТЕЙН
МИХАИЛ НАУМОВИЧ

О БУДУЩЕМ ГУМАНИСТИКИ

Михаил Наумович, первый (пожалуй, самый насущный) вопрос Вам как специалисту в области зачатий, потенциалов, интуиций: каково будущее современной гуманистики, каковы Ваши прогнозы на этот счет?

Будущее гуманистики, на мой взгляд, – это большие человекообразовательные и миропреобразовательные проекты, в которых гуманитарные науки будут участвовать во взаимодействии с естественными и общественными науками. Либо гуманистика превратится в занятие архивных юношей, интерпретаторов старых текстов и будет оттеснена в область музейных, периферийных профессий техноцентричного века... Либо она выйдет на передний край трансформации мира, поскольку все тайны и возможности техно- и социоэволюции заключены в человеке, в его мозге и разуме. Даже физики понимают, что создать физическую «теорию всего» невозможно без самопознания человека, потому что мир, каким нам дано его познавать и исследовать, определяется структурой человеческой сенсорики и интеллекта. А значит, и успехи физики зависят от гуманистики, от сократовского «познай себя». Физики это понимают и активно включаются в когнитивную, психологическую, логико-философскую и даже теологическую проблематику (книги Роджера Пенроуза, Джона Бэрроу, Фрэнка Типлера, Пола Дэвиса и др.). А вот гуманитарии еще не «очнулись» и даже самые продвинутые из них все еще продолжают деконструировать тексты, расщеплять их на тонкие

волоски. Большинство гуманитариев еще не осознало, что задержка гуманитарных наук на критико-деконструктивной стадии чревата либо помехами научно-техническому прогрессу, либо маргинализацией самих гуманитарных наук, центральные, собственно человековедческие и «человеководческие» проблемы которых будут переходить в компетенцию физиков, космологов, экологов, этологов, генетиков и т.д. Я полагаю, что пришло время для методологического пробуждения гуманитарных наук и движения от деконструкции к большим конструктивным подходам и решениям. Когда-то, во времена Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, философия была царицей наук, возглавляла путь человечества к самопознанию и самопреображению – неужели только для того, чтобы ныне уйти исключительно в логико-лингвистический анализ философских текстов, чем занята аналитическая философия? Мне кажется, гуманитарные науки, по мере развития кибернетической цивилизации, будут более, а не менее востребованы, потому что разрешение всех загадок мира упирается в человека, в способности и ограничения его интеллекта.

Но чтобы гуманитарным наукам стать тем, чем они могут и призваны быть, на их основе должны развиваться гуманитарные практики, технологии преобразования тех областей, которые раньше этими науками только пассивно изучались. Философия будет проектировать онтологию виртуальных и *виреальных* (все менее отличимых от реальных) миров, метрику их времени-пространства, исходные параметры их бытия, познавательные и ценностные ориентиры. Логика и психология будут расширять возможности интеллекта и эмоциональной сферы, в том числе проектировать новые свойства искусственного разума. Эстетика и поэтика будут очерчивать возможности новых художественных и литературных движений. Лингвистика и семиотика будут развивать лексическую и грамматическую систему языка и расширять семиосферу, создавать новые знаковые системы. Культурология

будет разрабатывать проекты новых культур и цивилизаций, в том числе экспериментальных и основанных на разнообразных сочетаниях естественного и искусственного интеллектов.

Какие современные направления в науке и философии Вы считаете наиболее ценными?

Трудно говорить «за всю науку», но мне ближе такие направления, которые от анализа явлений переходят к синтезу. Скажем, «синтетическая биология», или «теория искусственной жизни» (названная так ее основателем Кристофером Лэнгтоном) изучает не только и не столько существующие, сколько возможные организмы и виды, вписывая их в ряд общих закономерностей жизни. Мне близка философия синтеза языка, синтеза новых понятий и терминов, философия, расширяющая область мыслимого и говоримого, а не философия языкового анализа, переводящая содержательные философские высказывания на все более формальный, пустой, вырожденный язык логических операций. Аналитическая философия, господствующая сейчас в американских университетах и почти уже завоевавшая весь международный академический мир, ведет эту дисциплину в тупик. Только открыв путь от анализа языка (повседневного и собственно философского) к синтезу, к порождению новых, содержательных идей и высказываний, можно возродить интерес к философии как общечеловеческой мудрости, творческому самопостроению человеческого рода.

Михаил Наумович, Вы являетесь основателем «философии возможного». Каков генезис этого направления, и каковы его перспективы на Ваш взгляд?

Я никак не могу считать себя создателем такой философии. Она разрабатывалась в трудах Николая Кузанского, Лейбница и других великих мыслителей. Другое дело, что

возможности этой философии, философии в сослагательном наклонении, были забыты, оттеснены заботами других философских эпох: докантовской, которая мыслила мир, каков он «есть», в изъявительном наклонении, и послекантовской (в лице К. Маркса, Ф. Ницше, Н. Федорова и др.), которые мыслили мир в повелительном наклонении, каков он «должен быть». Философия возможного, философия творческого «может быть» и практического *овозможения, потенциации бытия* – это третья большая философская эпоха, которая отвечает научно-техническому и социально-политическому потенциалу нашего века (книга под соответствующим заглавием и вышла в первый год нового века, в 2001 г.). Философия возможного – основа тех проективных направлений в гуманистике, о которых Ваши дальнейшие вопросы.

Как Вы считаете, с чем связана актуальность проективных теорий в настоящее время?

Проективность, как свойство творческого ума и культурной деятельности, переживает стремительный подъем через всю историю человечества. От изучения сущего – к созданию небывалого. Недаром слово «проект» – одно из самых частотных и даже уже избитых слов нашего времени. Всюду проекты, все становится проектом. Даже Россия – это «бизнес-проект» или «геополитический проект». Все данное, как говорил М. Бахтин, становится заданным, или, как говорил Н. Федоров, все даровое – трудовым. Совокупное информационное богатство человечества, осведомленность о мире быстро растет, но еще быстрее – способность к трансформации мира, конструктивно-проективный потенциал. Вообще наука – это комплекс мышления-знания, в котором проективная и конструктивная роль мышления все больше возрастает в сравнении с адаптивной ролью знания. Знание приспособливает наш ум к существующему миру, тогда как мышление, по-новому сочетая и сращивая элементы

знания и добавляя в них нечто не от мира сего – от Творца, от Первопотенции – создает новые, небывалые миры. Мышление выдвигает альтернативы существующему, всему тому, что постигается знанием: языкам, стилям, культурам, миру как таковому. Человеческая цивилизация и все, что в ней, от книг до самолетов, – это продукт не знания, а мышления, т.е. творческой, изобретательской деятельности. Цивилизации никогда не было в природе, она создана, сконструирована человеком. От знания того, что есть, мы все больше переходим к знанию того, чего еще нет, но что порождается самим усилием мысли. Так что проективная составляющая все больше усиливается в методологии разных наук, но в гуманитарных она пока еще воспринимается как новость.

В продолжение сказанного замечу: несмотря на популярность среди достаточно широкого круга «пытливых умов», в современном исследовательском сообществе проективные методологии воспринимаются неоднозначно, приживаются, можно сказать, с трудом. Как Вы думаете, чем это обусловлено?

Новому вообще трудно – всегда и везде. Легко только, когда оно уже стало старым. Трудно в свое время было Ломоносову, Хлебникову и Бахтину, а теперь, когда их самих нет, их идеям легко, потому что время все перетирает, так что пищу, разжеванную «челюстями времени», могут употреблять даже младенцы. Проективные же методологии – это не просто новые идеи в науке, это переворот во взглядах на природу и назначение гуманитарных наук. К такому трудно привыкнуть, тем более за жизнь одного научного поколения. Но представим себе, что есть физика, химия, биология, другие фундаментальные науки – но нет технологий, на них основанных и в свою очередь их развивающих. Нет инженерных и конструкторских профессий. Нет автомобилей и самолетов. Нет медицины. Нет агрономии. Только изучение природы, но

не трансформация ее. В таком положении были гуманитарные науки до последнего времени. Считалось, что они изучают человека и все области его культурных свершений, но при этом сами остаются пассивными, у них нет своих технологий. Лингвистика изучает существующие языки, но не может предлагать каких-то изменений, расширений в их лексико-грамматических системах. Философия спорит о первопринципах и универсалиях существующего мира, но не участвует в построении виртуальных и альтернативных миров, обретающих постепенно сенсорную достоверность и практически обживаемых человеком. Без этих лингвистических, философских и пр. технологий, без своих проективных расширений гуманитарные науки обречены остаться тем, чем осталась бы астрономия без космической техники, без ракет, реактивных двигателей, искусственных спутников Земли, космических станций и пр.

Вы, как представляется, самый «сетевой» современный исследователь, философ, филолог. Научное-творческое существование в эпоху Сети отличается от доинтернетовского периода?

Да, сильно отличается, открывая гораздо больший простор именно проективному мышлению. Исследовательский, собственно познавательный труд гуманитарных наук очень облегчается и ускоряется интернетом. То, на что раньше исследователи тратили годы, перерывая груды библиотечного, архивного, энциклопедического, описательно-исторического, изобразительного материала, теперь делается в течение нескольких дней или недель. Например, то, чем всю жизнь занимался вручную М. Л. Гаспаров, высчитывая ритмику стихосложения у сотен поэтов, теперь можно поручить компьютерной программе. Чем же остается заниматься гуманитариию? Он все более становится творцом или сотворцом тех человеческих миров и знаковых систем, которые он изучает, – и одновре-

менно перестраивает, перекодирует, развивает, усложняет в процессе такого активного изучения. Соотношение изобретательского и исследовательского все больше меняется в пользу изобретения, и в этом огромную роль играет интернет, делающий информацию (всю область знания) доступной моментальному обозрению и быстрой переработке.

Какой из Ваших проектов (сетевых и не только) Вы считаете самым удачным (любимым)? Почему?

«Дар слова. Проективный словарь русского языка». Он выходит еженедельно в виде сетевой рассылки для 4,5 тысяч подписчиков уже 10 лет (с апреля 2000 г.) В каждом выпуске – новые слова, понятия, идеи, термины, которые впервые артикулируются по-русски, да и на любом языке. Это – проективная лингвистика, опыт системного восполнения лакун в естественном языке. Язык – основа всех знаковых систем и культуры как целого, поэтому из всех проективных гуманитарных дисциплин проективная лингвистика мне всего дороже.

В завершение нашей беседы, Михаил Наумович, хочу спросить, в какие «возможностные дали» направлены Ваши творческие усилия сегодня? Какие труды или, может быть, новые проекты планируете осуществить в ближайшее время?

Я сейчас на точке прощания с прошлым, но еще не встречи с будущим. Жду, когда оно выплывет из-за горизонта. Начинается новое десятилетие и в жизни века, и в моей собственной. Предыдущее десятилетие, «нулевые» (а для меня – пятидесятые) проходило для меня под знаком таких книг, как «Философия возможного» и «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук», и таких сетевых проектов, как «Дар слова» и «Веер будущностей». Надеюсь, что новое деся-

тилетие принесет не меньше удивлений и неожиданностей. Но их нельзя запрограммировать. Проект «Дар слова» зародился внезапно, за один день в середине апреля 2000, ровно десять лет назад. И я надеюсь на новое озарение, парадигмальный сдвиг в своем сознании. Но такие вещи не вымучиваются, а только случаются – в сотрудничестве с неведомым, когда оно само хочет себя объявить, показать свой краешек в вещах известных и вдруг по-новому озаряемых, играющих новой гранью.

Беседовали Мария Куликова и Светлана Плевако